

Н. И. КОСТОМАРОВ

Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей

<Фрагмент>

ГЛАВА 9

Галятовский, Радзивилловский и Лазарь Баранович

В истории схоластической литературы, возникшей в южной и западной Руси, после толчка, данного Петром Могилою умственному движению, особенно возбуждает внимание историка Иоанникий Галятовский по своему живому и сообразному с духом своего века и общества участию к вопросам, касавшимся важных сторон тогдашней политической и общественной жизни. Насколько нам известно, жизнь этого человека, как большею частью жизнь монахов, протекала довольно однообразно. Он родился на Воляни, учился в Киеве, слушая, между прочим, чтения Лазаря Барановича, постригся в монахи, был игуменом Купятицкого монастыря на Полесье; с 1659 г. несколько лет занимал должность ректора киевских школ, потом жил в Москве и, наконец, в Малороссии, где был архимандритом, сначала НовгородСеверского, потом Черниговского, Елецкого монастырей. Он скончался в 1688 г. Галятовский находился под покровительством бывшего своего наставника Лазаря Барановича, архиепископа черниговского, и с его рекомендацией отправился в Москву, где был принят радушно. Как видно, это был человек неискательный, скромный, но вместе с тем более, чем многие его современники, неспособный возвращаться в одних отвлеченностях и постоянно обращавшийся к жизненным вопросам.

Оценивая Галятовского, нужно сравнивать его с другими писателями его времени, и тогда, при всех недостатках его, он представит для нас значительный интерес. Сочинения его могут без скуки читаться даже теперь. Слог его менее страдает напыщенностью; изложение у Галятовского везде толково, язык приближается к народной малорусской речи, хотя он употребляет такие польские слова, которые теперь забыты, но, вероятно, тогда были в ходу. Тогда

самый польский язык не переставал еще быть для малоруссов культурным языком и занимал такое почти место, какое впоследствии занял книжный русский, а потому Галятовский написал несколько сочинений по-польски. Как монах, Галятовский вращается в области церковной и находится под влиянием тех взглядов, которые им были усвоены по воспитанию, но его живая, даже поэтическая натура везде проглядывает изпод гнета мертвящей схоластики. Сочинения его показывают большую, хотя одностороннюю начитанность, знакомство со многими византийскими и средневековыми богословскими и церковно-историческими писателями; он любил особенно ссылаться на Барония. Для придания силы своим доводам, он приводит отовсюду примеры и свидетельства, однако относится к ним без критики и вообще до наивности доверчив. Галятовский отличается сильным воображением, любит образы, рассказы, анекдоты, хватается за них при первой возможности и увлекается их художественною стороною, а потому явный вымысел нередко принимает за истину.

В то время, когда жил и писал Галятовский, мыслящего малорусса духовного звания естественно могли и должны были занимать отношения его церкви и народа к римскому католицизму, к иудейству и к магометанству, так как Малороссии приходилось неизбежно сталкиваться со всем этим.

Защита православия против римско-католической пропаганды, как мы сказали, легла в основу всех целей Петра Могилы при устройстве киевской коллегии. Правду сказать, скоро после смерти знаменитого иерарха, ученая война на перьях и на словах должна была отойти на задний план, а вслед за тем должны были выступить вперед иные задачи для просвещения в русском крае. За веру наступила борьба другого рода. Народ стал за нее и за себя с дубьем и кольями, затем — успехи соединенных русских сил отвоевали у Польши почти все древние русские области. Если бы московская политика не отодвинула разрешение векового спора еще на столетие, то православие в областях южной и западной Руси, поступившей под власть московских государей, мало нуждалось бы в диспутах и диссертациях за свою неприкосновенность. Киевские ученые должны были бы заниматься преимущественно чем-нибудь другим. Но вышло иначе. Поляки одерживали верх над русскими. Русские земли, только что отпавшие от Польши, опять возвращались под ее власть. Православию пришлось уживаться с господствующим католицизмом в едином государственном теле; православным духовным опять предстояло стараться не ударить лицом в грязь

перед римско-католическим духовенством и выступить против них с оружием учености и красноречия на защиту своей веры. Религиозные диспуты о вопросах, составляющих сущность различия между западною и восточною церковью, делались самыми жизненными современными вопросами.

Иудеи еще в недавнее время были признаны народом южнорусским его врагами и утеснителями. Таково было народное убеждение.

Иудей — панский арендатор, иудей-монополист, иудей-откупщик, бравший от пана на откуп достояние, жизнь и совесть русского хлопа — был для последнего тяжелее, чем сам пан. Решившись сбросить с себя вековые цепи, русский возненавидел иудея, который, как ловкий промышленник, пользовался слабыми сторонами общества, в котором жил: десятки тысяч израильского народа погибло во время восстания. До какой степени господствовало у малоруссов омерзение к этому племени, конечно, поддерживаемое и невежественным фанатизмом, показывает то, что Хмельницкий, в числе условий, на которых готов был примириться с поляками, требовал недопущения иудеев в Украину. Но как только народное волнение утихло в русских областях, оставшихся за Польшею, иудеи опять принялись там за свои промыслы и опять готовились стать для русских тем, чем уже были прежде. Этого мало. У иудеев распространилось верование, что является на землю Мессия, что приходит, наконец, давно желанное время величия израильского народа и порабощения ему народов других вер. Естественно было в это самое время русскому писателю вступить в литературу с такой речью, в которой выражалась народная вражда.

Наконец, южнорусский народ находился то в постоянных сближениях, то в столкновениях с магометанским миром, казаки то пускались на чайках грабить приморские турецкие города, то призывали татар и турок к себе на помощь против поляков. Тогда еще не исчезала старая надежда на союз держав против магометанства с целью изгнания турок из Европы, освобождения православных греков и славян. Русским, как исповедующим одну веру с христианами восточными, эта мысль была ближе к сердцу, чем какому бы то ни было другому народу.

Во второй половине XVII в. сложились обстоятельства, придававшие более живости надеждам на исполнение великого предприятия. Московское государство вело войну против мусульман заодно с Польшею, вместо того, чтобы, как делалось издавна, вооружать татар на Польшу или терпеть татарские набеги, предпринятые

с подущения поляков. Тогда само собой пришло в головы многим, что если кому, то московскому государю предстоит великое призвание стать во главе христианского дела освобождения единоверцев и единоплеменников от тяжкой неволи.

Галятовский в своих сочинениях затронул все эти три современные ему вопроса: римско-католический, иудейский и мусульманский. В 1663–64 гг. король польский Ян Казимир шел с войском отбирать под свою власть левый берег Днепра. Наученные опытом, поляки стали теперь для вида ласковее обходиться с православным духовенством, стараясь расположить его к себе с тою целью, чтоб оно не возбуждало против них народа. Это было для поляков в то время тем удобнее, что многим из малороссийского духовенства не совсем нравились приемы московской власти, и они не слишком остались довольны делом Богдана Хмельницкого. Со своей стороны, православные духовные, ввиду ожидаемого соединения Малороссии с Польшей, должны были стараться поставить и свою церковь и свое сословие в положение, менее унижительное по отношению к католичеству.

Галятовский оставил против магометан два сочинения: оба написаны в эпоху войны против турок, которая предпринята была совокупными силами России и Польши. Война эта сильно занимала нашего автора. Первое из упомянутых сочинений «Лебедь с перием своим» посвящено в 1683 г. гетману Ивану Самойловичу. По склонности к символизму, господствовавшей в тогдашних литературных приемах, Галятовский под именем Лебеда понимает христианство или даже самого Спасителя; противоположный ему символ магометанства орел. В посвящении своем автор говорит, что Лебедь своим голосом и пером возбуждает христиан на ратоборство против мусульман. Сочинение это написано попольски, так как польский язык был еще в большом употреблении между высшим классом в Малороссии; но существует современный русский перевод, писанный пославянски церковной речью и нигде не напечатанный. Автор задается целью изложить учение, вымыслы и способы, как христиане могут на войне победить басурман и истребить их гнусное имя с лица земли.

Автор хочет разрешить себе вопрос: почему магометанство так долго держится на свете? Как человек благочестивый, привыкший во всех событиях ссылаться на волю Божию, он прежде всего становится на точку нравственнобогословскую: «Господь благ; еще не исполнилась мера беззаконий мусульманских; Бог ожидает обращения с другой стороны; Бог, руководящий нравственным

усовершенствованием христиан, находит нужным для нас же держать над нами этот бич; Бог хочет испытать постоянство христиан в вере: будут ли они служить ему, находясь в неволе, и так ли послужат, когда станут свободными? Как некогда держал Он ассириан вместо жезла над Израилем, так теперь держит ересь магометанскую жезлом над христианами, чтобы христиане, терпя от неверных озлобление, прибегали в страхе к своему Творцу с покаянием, ибо, живучи в прохладе, просторе и “властопитании”, люди забывают о Боге». Но, кроме этих причин, Галятовский находит еще, что христианские государи, не только не могут согласиться между собою и стать единодушно против врагов Христа, но еще «ханов, атаманов, царей басурманских, мурз их и прочих живых и здравых снабжают».

Галятовский вспоминает из Ветхого Завета божескую заповедь об избииении хананейских народов и сравнивает с непослушными израильтянами христианских государей, милостиво обращающихся с мусульманами: «Того ради, — заключает он, — Бог на самодержцев и государей зело гневен есть». Здесь повторяется то же учение кровавой нетерпимости, которое такими резкими чертами изложено в «Мессии» против иудеев. Московскому государству должно было достаться при этом, хотя Галятовский об нем не упоминает: в Московском государстве было более магометан, чем в какой бы то ни было иной христианской земле, и их не преследовали, не убивали.

«Орел» в споре с «Лебедем» указывает ему, что магометанство не только держится на свете, но еще расширяется, и многие народы приняли его. «Какие же этому причины?» — спрашивает автор. «Лебедь» дает объяснение, что магометане мечом распространяют свою веру, а «смерть от меча люта страшна человеком, приневольяет их к принятию алкорана». Много помогает мусульманству и то, что Магомет дозволяет плотские наслаждения и обещает их своим последователям в небесном царствии: «Понеже к греху телесному все человецы от прирождения склонны зело». В магометанстве, замечает «Лебедь», все понятно, все близко чувственному человеку: закон же Христа «непостижимыя разуму вещи сказует». Число магометан, по словам того же «Лебеда», умножается и оттого, что их цари имеют обыкновение, вместо податей, собирать детей христианских и отдавать их «учиться прелести магометовой»; последние остаются на всю жизнь ей преданными; наконец, люди, совершившие преступления в христианских государствах, убегая к басурманам, находят у них приют и охранение, если примут их

веру. Но если магометан и много, что пользы из того? Ведь и в аде будет более душ, чем в Небесном Царствии, а все магометане пойдут в геенну огненную. Бог дает неверным временное счастье; зато их ожидает по смерти вечное мучение, а у христиан хотя здесь и отнимается временное благополучие, зато дается по смерти вечное блаженство.

Но и на земле не долго уже господствовать мусульманству. Еще мученик Мефодий изрек над ними пророчество: «И восстанет христианское колено и будет ратоборствовать с мусульманы, и мечом своим погубит их и в неволю загонит, и погибнут чада их, и пойдут сынове Измаиловы под меч в пленение и невольное утеснение; отдаст убо им Господь злобу их, яко же они христианом сотвориша». Бароний и кармелит Фома Брукселенский доставляют нашему автору еще пророчества о падении магометанства; наконец, вот что он сам устами своего «Лебедя» извещает в утешение христианам своего века, ведущим борьбу с исламом:

«Есть у муринов пророчество до сих пор сохраняемое, что полунощный самодержец мечом своим покорит и подчинит своей державе святой град Иерусалим и все турецкое царство. Этот полунощный самодержец есть царь и великий князь московский. Он то истребит басурманскую скверную ересь и до конца погубит. Ты сам, проклятый Магомет, вдохновенный Богом или демоном, ты сам пророчествовал, что твое скверное и противное учение будет пребывать тысячу лет; но вот уже тысяча лет минула, даже “с навершеніем”; в малом времени погибнет твой богопротивный закон и скверная ересь!»

«Лебедь» объясняет слова Апокалипсиса (гл. 20): «ожиша и царствоваша со Христом тысящу лет». «Здесь,— говорит он,— разумеются мученики, убитые от магометан: их души со Христом царствуют».

Затем Галятовский рассказывает историю магометанства, описывает нравы магометан.

Магометане обвиняются в чародействах, также как иудеи в «Мессии Правдивом»; один магометанский воевода начертал на земле круг, чародейственными заклинаниями накликал в этот круг змей и намазал змеиным ядом оружие, которое действовало губительно; татары вынимали сердца из тел христианских, мочили их в яде, ставили на рожнах в реках и озерах, заражали воду, и пившие ее, отравлялись... Галятовский готов был, как кажется, обвинять в чародействе всех неверующих во Христа: то же, мы видели, сделал он с иудеями. Но с мусульманами он обращается

беспристрастнее; за иудеями он не признал ни одной светлой черты. Говоря о магометанах, он ссылается, напротив, на свидетельство какого-то Варфоломея Юрьевича, бывшего четырнадцать лет в плену у турок, и отзывается о своих религиозных врагах в таких выражениях: «Они любят правду; кривды, обмана у них отнюдь не обретается, ни в жительстве, ни в походе: турки покрывают свое нечестие исполнением правды; не найдешь у них ни юриста, ни прокурора; сегодня отдавай то, что обещал вчера. В большой чести у них ты, святая царица-правда, всем чинам равная благотворительница! Ей-ей, от всех народов турки отличали себя правдою: и малых детей к этому приучают и воспитывают так, чтобы они были правдивы...»

Но от таких превосходных нравственных качеств мало пользы неверным: по мнению Галятовского, они, как некрещенные, все-таки все пойдут в ад: с ними надобно воевать, чтоб избавить из-под их власти наших братьев христиан, которым хуже, чем было иудеям в Египте и в вавилонском пленении, или чем было римлянам при готфах; им так худо, что их жизнь может разве сравниться с положением умирающего, который мучится перед смертью и долгое время не может испустить последнего вздоха. Не в силах заплатить положенной на них тяжелой дани — бедные христиане, закованные по рукам и по ногам, ходят от двора до двора и просят, ради «проклятого Магомета», милостыни на уплату за них податей: их бьют по подошвам большими палками, берут у них детей и продают в рабство. С особенным участием распространяется автор «Лебеда» о страданиях пленников: «Всех тяжелее, — замечает он, — попавшимся в плен духовным и ученым, непривыкшим к телесной работе».

Наконец, в «Лебеде» приводятся какие-то непонятные слова, которые в переводе означают пророчество, сохраняемое самими мусульманами о падении их царства. «Явится какой-то турецкий царь, возьмет царство, примет в свою державу красное яблоко и будет господствовать, и будут мусульмане созидать себе дома, насаждать виноград, строить твердыни, плодить чад, но через двенадцать лет после того, как царь примет в свою державу красное яблоко, христианский меч поразит турка и погубит имя его. Дай же Бог, чтобы при державе великого и непреодолимого царя Федора Алексеевича все христианские народы обратили свое оружие против мусульман, губителей нашей веры; этого и бедствующие братия наши христиане все усердно ожидают и помогут нам на общего нашего лютого врага! Азия при смерти, Африка мертвее, золотое

яблоко от моря Балтийского до озера Меотийского, очнувшись от сна, не мало дает помощи; Греция с Фракиєю ожидают избавления от христианского оружия: за грехи свои они, подобно Израилю, повержены в неволю; но познали они свои беззакония и приносят вины свои пред Богом: Бог пошлет к ним избавителя и возвратит их к прежней свободе скоро».

Другое, напечатанное по-польски, сочинение Галятовского против мусульман (*Alkoran machometryw, nauka heretycka u zydowska u rogascka papelnionu, 1687*) составлено в форме диспута между алкораном и когелефом (борцом), и разделено на двенадцать частей. Здесь излагается история Магомета, говорится об его законе, о магометовом мече, о чудесах лжепророка и пр. Когелеф опровергает алкоран и бьет его на всех пунктах, хотя делает достаточно промахов, показывающих, что Галятовский читал без критики то, откуда черпал свои познания. Всего интереснее для нас то, что здесь, как в «Лебеде», Галятовский говорит о существовании пророчества о том, что некогда полуночный монарх покорит Турецкое государство; затем последует падение мусульманства и обращение мусульман ко Христу! Этот славный, предсказанный издавна подвиг — предлежит совершить московскому государю. Галятовский вспоминает, как Тамерлан бежал из России со своими полчищами, утраченный Божиєю Матерью, как Димитрий (которого он называет Семешка?) разбил татар, как русские покорили Казань и Астрахань... Надлежит довершить то, что делалось прежде. Галятовский желает, чтобы царь покорил Турцию, освободил Гроб Господень, четырех патриархов вселенских и поработанные христианские народы изпод мусульманской власти. Галятовский, таким образом, в литературе содействовал развитию мысли о том, что на России лежит избрание судьбы, что ее назначение — освободить восточных христиан и подчинить владычеству христианской веры мусульманский восток; одним словом, чего не dokonчили в свое время крестовые походы, то суждено dokonчить России! Мысль эта обратилась в народное верование и у турецких христиан и у русского народа. Ее поведали московским государям с запада папы, укрывавшие за этими надеждами намерение подчинить себе русскую церковь; но та же мысль развивалась в народе и в литературе своим независимым путем.

Галятовский был проповедником. Проповедь сделалась тогда необходимостью; духовный, сознавший в себе охоту к писанию, скорее всего брался за проповедь. Галятовский издал том проповедей под названием: «Ключ Разумения»; проповеди сочинены на Господские

и Богородичные праздники. Галятовский смотрел на эту книгу, как на руководство: в предисловии к ней он предлагает священникам читать из нее поучения народу. Проповеди его имеют характер более догматический и объяснительный, чем нравственнопоучительный. Толкуются народу догматы веры, объясняются значения таинств, обрядов, и новозаветных и ветхозаветных. Проповедник чрезвычайно любит смелые и затейливые сравнения. Говоря, напр., о двух естествах Иисуса Христа, Галятовский, для объяснения, указывает на человека, который знает и богословие и философию: «Вот, — говорит он, — и подобие соединения божественного с человеческим». Другое сравнение двух естеств — с луком, связанным с тетивой; лук означает божественную, а тетива человеческую природу. В проповеди на Воскресение Христово он сравнивает Христа с ихнеумоном. Крокодил проглотит ихнеумона, а ихнеумон крокодилу разжеет внутренности; так Христос поступил со смертью, которой подвергся. Галятовский любит приводить в проповедях примеры и анекдоты; встречаются у него примеры из древней истории: о Демокрите, Птолемею, об Аннибале, берутся данные из мифологии в смешении с христианскими образами: являются аргонавты; дельфийский оракул приказывает устроить божницу Деве Марии; от глубокой древности проповедник переходит в более близкий ему мир, рассказывает анекдот о князе литовском Витовте, который приказал защитить живого человека в медвежью шкуру. Эти примеры, сравнения, анекдоты придавали проповедям Галятовского большую занимательность, и «Ключ Разумения» был одною из самых читаемых книг в Малороссии даже в близкое к нам время.

При своих проповедях Галятовский приложил правила о составлении проповедей. «Старайся, — говорит он, — чтобы все люди понимали то, что ты им говоришь в своем поучении; какой мудрый был проповедник Иоанн Златоуст, но и его порицала женщина за трудно понимаемую проповедь!» Галятовский в своих собственных проповедях верен своему правилу: они написаны по-малорусски и были удобопонятны в той среде, где говорились. Не все последовали его примеру впоследствии, когда вместо языка, близкого к народному, стали употреблять славяноцерковный, искусственный и понятный только для тех, которые ему учились предварительно.

Согласно духу схоластической мудрости, почерпнутой в школе, Галятовский в своем руководстве учил проповедников словоизвятию, построению поучений на словах, именах и вообще на внешних признаках: находит, что неожиданные обороты привлекают любопытство слушателей. «Можешь, — говорит он, — занять внимание

людей, толкуя им какое-нибудь имя, и всю проповедь построить на имени; например, в неделю (воскресенье) говори: неделя называется оттого, что в этот день ничего не делают, а только Богу молятся; или — на день Владимира скажи, что Владимир оттого так называется, что владеет миром; на Василия скажи, что Василий значит царь, ибо Василий Святой царствовал над своим телом». Галятовский учит озадачивать слушателей каким-нибудь не сразу понятным для них заявлением; например: «На Вербное воскресенье, сказавши: “Православные христиане! Прошу вас и заявляю вам, чтобы вы непременно ходили в церковь и молились Богу; на этой седмице будет страшный суд”, — сойди прочь с кафедры. Это значит, что на Страстной неделе будет читаться о суде над Иисусом Христом: вот оно и есть суд страшный». Замечательны его наставления, как следует говорить над умершими. Галятовский велит проповеднику рассказывать, как покойник творил добро, хранил православную веру, помогал бедным милостыню, давал пособие церквям и монастырям, принимал в свой дом странников, выкупал пленных из неволи и пр., хотя бы за покойником и не ведомы были такие добродетели. «Можешь, — говорит он, — кроме того припомнить его фамилию, сказать, что она древняя, существует сто лет или, пожалуй, тысячу лет на свете, что она находилась в родственной связи со знатными домами; можешь взять прозвище покойного; напр., если он назывался Броницкий, ты говори: он так назывался оттого, что боронил отчизну; или, напр., умерший назывался Любомирским; ты говори: это он оттого Любомирский, что мир возлюбил. Можешь взять то же крестное имя. Умершего звали Стефаном, ты говори: Стефан значит венец, и тут скажи, что покойник приобрел себе венец как бы из цветов или драгоценных камней; или, напр., умершего звали Дорофеем; ты обратись к слушателям и скажи: Православные христиане! Дорофей значит дар Божий. И наш Дорофей, которого видите на гробовых носилках, был истинным даром для отчизны и для католической церкви. Можешь также взять герб покойного: если в гербе у него была стрела, ты припомни текст: покажи мя, яко стрелу избранну; если у него в гербе башня — скажи текст: бысть упование мое столб крепости» и пр.

Можно подозревать, что тут проповедник с юмором говорит о проповедях своего времени. То же можно было бы сказать относительно наставления, как следует говорить проповеди на дни святых. Галятовский говорит: «Проповедь, которую ты произносил в день какого-нибудь святого, напр. Николая, можешь произнести

на день другого святого, напр. Василия; только в тех местах, где ты говорил “Николая архиепископа Мирликийского”, восхваляй Василия Великого или Григория Богослова и т. п. Можно даже то, что ты говорил об Иоанне Крестителе, перенести на архистратига Михаила...»

Замечательно, как Галятовский щадит своих слушателей и боится огорчить их своими пастырскими угрозами. В проповеди на день Св. Георгия он коснулся ада, но ему стало жаль посылать туда грешных слушателей, и он советует им не отчаиваться, не унывать. Правда, из Св. Писания следует, что в аде будет более душ, чем на небе, и так надобно же, чтобы ад кем-нибудь наполнился — и вот проповедник утешает на этот счет слушателей, напоминая им, что ведь на свете много неверных жидов, магометан, есть довольно всяких еретиков, ариан, несториан, адамитов, монофизитов: будет кому наполнить ад; а мы, православные христиане, говорит он, будем надеяться, что все достигнем вечного спасения. Точно так же в проповеди на день Св. Илии он разразился против богачей, и как бы забыл, что в день Георгия всем обещал рай; «Не могут,— сказал он теперь,— восхищены быть на небо люди богатые; их души отягощены богатствами, сокровищами, маетностями; богачи за своими богатствами забывают о Боге; они злоупотребляют своими благами; они только едят, пьют, веселятся, а бедных людей забывают; не кормят их, в дом к себе не пускают...» Но потом проповедник сжалился над богачами и решил, что и богатым можно достигнуть неба, если только они станут давать милостыню, помогать церквям и монастырям и пр.

В числе сочинений Галятовского есть одно, писанное по-русски: «Души людей умерлых». Здесь автор ведет нас на тот свет, показывает нам жилища праведников и места мучений грешников — небо и ад. Души праведных размещаются по числу девяти ангельских хоров небесной иерархии, сообразно тем обязанностям, которые возложены на эти ангельские хоры по отношению к нашей временной жизни. В низшем хоре, собственно в хоре ангелов, — которым поручено надзирать над душами человеческими во время земного шествия, — обитают крещенные дети, убогие, сироты, вдовы и жившие честно в супружеском союзе; во втором, более высоком хоре, архангелов (которые до великих людей от Бога посольства справляют), священники и церковные учителя; в третьем, называемом им князствами, обязанном наблюдать над государствами, нациями и провинциями, будут пребывать цари, цесари, князья, гетманы, воеводы и всякая старшина, если они чинили подначальным людям

правосудие и не делали им обид: четвертый хор называется влады, воюющие со злыми духами — с ними пребывают рыцари, которые сопротивлялись злым духам и побеждали грех; в пятом хоре, называемом моцарства — чудотворцы; шестой хор, панства — есть обитель девственников, пустынников, иноков; седьмой, фроны — там справедливые судьи, в осьмом — между херувимами — апостолы, епископы, митрополиты и пр.; девятый, высший хор, серафимы, которые возбуждают любовь к Богу — там мученики.

Противоположное небесам обиталище грешных, пекло, разделяется на два отдела; первый называется одхлань пекельная (бездна), другой — огненная геенна. В первом сидели до Христа ветхозаветные праведники; они мук не терпели, но были удалены от Бога и ожидали Христа. Спаситель вывел их из ада; они пребывали с ним сорок дней на земле, а по вознесении его пребывают на небесах. Но Спаситель не вывел из ада египтян, моавитян и всяких язычников, которые не ожидали Христа. Они теперь в аду. Другое отделение ада — геенна огненная, изобилует разными муками: неугасимый огонь будет уделом развратников, прелюбодеев и гневных людей. Лютая зима достанется на долю высокомерных богачей, безжалостных к страданиям нищеты; червь совести будет грызть похитителей чужой собственности и клеветников, похищающих у ближних доброе имя. Нестерпимый смрад будет досажать изнеженным щеголям, которые любили благовония (кожаются в пахучих перфумах), а те, которые обжираются и не держат постов — осуждены будут на голод. В аде будет большая теснота: все пекло — говорит нам богослов — будет битком набито грешниками, одни на самом дне, другие посередине, третьи наверху: словно кто наложит в бочку рыбы, заткнет бочку чопом (зашпунтует). Затем автор описывает мытарства, которые должна переходить душа человеческая по освобождении от тела.

Другие сочинения Галятовского, хотя менее предыдущих, но включают любопытные черты для истории понятий и взглядов того времени. Книжечка, под названием: «Небо новое, новыми звездами сотворенное», напечатанная в 1665 г., во Львове, есть собрание рассказов о чудесах Пресвятой Богородицы, выписанных из разных западных писателей с присовокуплением того, что представляется происходившим в Польше, Литве и Малороссии. Здесь замечательно посвящение Потоцкой, сестре митрополита Петра Могилы, образчик той, забавной для нашего времени, лести, с какою писаки XVII в. обращались к знатным особам, чая падения крупниц от щедрот их на свою долю.

Галятовский производит дом Могил от Муция Сцеволы, «ва-
лечного и отважного и горливого (ревностного) к отчизне своей
рыцаря римского», и называет дом Могил — «небом, усеянным
новыми звездами». «Бог, — выражается наш автор, — праотцу
нашему Адаму сказал: земля еси и в землю пойдешь, а я скажу
Пресвятой Деве Марии: ты небо и пойдешь в небо могилянское!»
Другая брошюра Галятовского: «Скарбница пожитечная» —
(Полезная Сокровищница) — заключает в себе описание чудес
иконы Пресвятой Богородицы, чествуемой под именем Елецкой
в Черниговском монастыре того же имени, где Галятовский был
архимандритом. Во вступлении к этой книжечке Галятовский пу-
скается в объяснение слова казак и следует мнению, по его выраже-
нию, мудрых людей, которые производят слово казак от козерога,
небесного зодиака, потому что казаки ходят с рогами, в которых
насыпан порох, и как на высоком небе поднимается козерог, так ка-
заки, проходя поля и море, поднимаются на стены и валы басурман
и насыпают из своих рогов порох в самопалы, из которых стреляют
в неприятеля. Трудно найти более подходящий образчик натянутых
и придуманных объяснений, на которые падка была схоластическая
наука. Главный предмет внимания автора — Елецкий монастырь;
его очень интересует прошедшая судьба этого монастыря. Но где
взять источников? Малороссия бедна древними письменными па-
мятниками: Великая Россия богаче; в Москве, — говорит он, — есть
и русские летописцы, и патерики знаменитых русских монасты-
рей. Князья Одоевские и Воротынские сообщили ему сведения,
переходившие у них в роде о том, как образ Елецкой Богородицы
(названной так оттого, что найден на еловом дереве) найден при
предке их Святославе Ярославиче: но Галятовский нашел еще у себя
источник: «Старые люди, — говорит он, — суть хроники живые». Чернигов
испытал большие перемены: прежде жительствовавали
в нем московские люди; но с присоединением его к Польше, после
смутного времени, наплыло туда другое население, нужно было оты-
скать старожилов из прежнего населения. Галятовский отыскал их:
одному из них было сто десять лет, другому полтора ста, а третьему
около двухсот лет — старость сомнительная. Трудно, не обидевши
память Галятовского, решить: кто солгал, тот ли, кто говорил
о своих летах Галятовскому, или сам Галятовский. Схоластическое
образование заставляло при соблюдении правил относительно
формы смотреть очень легкомысленно на фактическую правду
и сочинять не считалось слишком постыдным. В 1696 г. напеча-
тана была в Чернигове брошюра Галятовского: «Боги поганские».

Она посвящена царевне Софии. В своем предисловии автор снова показал образчик лести, свойственной своему времени, прославлял Софию, находил соответствие ее крестного имени с названием премудрости и выразился о царском доме в таких выражениях: «В доме најяснейших царей русских каждый царь есть солнцем, царица есть месяцем, царевичове и царевны суть звездами: бо светят добрыми учинками» (поступками). По учению Галятовского, идолы языческих богов были не болванами, статуями, простою вещью, как об них отзывался некогда Ветхий Завет, но жилищем злых духов, и ссылается, в подтверждение своего взгляда, на многих церковных и светских писателей. Бесы, сидевшие в идолах, говорили иногда правду и предсказывали появление христианства; но они же часто обманывали и подводили в беду людей, употребляя в своих прорицаниях двусмысленные выражения, так что человек понимал прорицание совсем не в том смысле, какой оно имело на самом деле. Нигде неуменье Галятовского отличать вымысел от фактической правды не высказалось так выпукло, как в этом сочинении: взявши из освобожденного Иерусалима в польском переводе Кохановского рассказы о поступках чародея Исмена, Галятовский не поколебался принять их за несомненно достоверные исторические события. Языческие божества для Галятовского не только предмет истории и археологии; они имеют живой, современный интерес. Деятельность их продолжается и поныне. «И теперь, — говорит он, — дьяволы чрез посредство чародеев дают ответы и прорицания; злые духи, обитавшие в идолах, и теперь разным образом соприкасаются с людьми: они то принимают личину умерших людей, то создают себе воздушное тело из облаков, показывают разные вещи в зеркале, дают ответы чрез огонь, воду, чрез перстни» и т. п. Для Галятовского борьба с языческими божествами такая же, какую была борьба против иудейства и мусульманства. Но ратоборство нашего автора с языческими божествами вообще слабее того, которое он вел с иудеями и мусульманами: сочинение «Боги поганские» напечатано уже в старости Галятовского, за два года до его кончины.

Можно упомянуть еще об одном польском сочинении Галятовского: «Алфавит еретиков». Автор приводит в азбучном порядке всех, кого причисляет к еретикам, показывает при этом значительную начитанность, но, вместе с тем, смешение понятий: к разряду еретиков он относит не только философов древности, но даже таких лиц, которые не ознаменовали себя никакими признаками умственной деятельности, напр., в число еретиков попал Ксеркс,

потому только, что ему снился сон, а это подало Галятовскому повод толковать, что сны бывают от Бога, но бывают и от дьявола.

Со всем своим ученым невежеством, с простонародными суевериями, привитыми во младенчестве и не выбитыми школой (которая и не старалась об их искоренении), с легковерием ко всему печатному, с раболепством ко всему, что только носит на себе притязание православной церковности, с диким изуверством, готовым жечь, топить в воде, резать всех, кто верует не так, как следует, но вместе с тем с несомненным дарованием, которое видимо в стройности изложения, в ясности слога, в удободоступности речи и, главное, в той живости, которая всегда бывает признаком дарования и которой никак и ничем не может себе усвоить бездарность, Галятовский, более всякого другого, может назваться представителем своего века в южнорусской литературе.

Примечание

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — общественный деятель, историк, публицист и поэт, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук. Автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях её деятелей», исследователь социально-политической и экономической истории России, в особенности территории современной Украины, называемой Костомаровым южною Русью и южным краем.

Костомаров внес и настойчиво проводил во всех своих трудах идею народной истории, которую понимал и осуществлял главным образом в виде изучения духовной жизни народа. Взгляды Костомарова до сих находят свое применение при анализе современных азиатских и африканских обществ.

Печатается по: *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей. М.: Мысль, 1993.

